

от 24 ОКТ. 38

Газета №

Москва

ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА

ТЕАТР ЖИЗНЕННОЙ ПРАВДЫ

КОГДА ВПЕРВЫЕ РАСПАХНУЛСЯ ЗАНАВЕС...

Сорок лет назад несколько интуитивистов, большей частью очень молодых людей, решили основать свой театр. Театр, не похожий на прежние театры. Не ради доходов, не для экспозиции актеров, а настоящее товарищество, объединенное общей страстной любовью к искусству.

Что представляли собой театры в старой России?

Это были или сызменные, разнородные клановые «импораторские театры», где думала живую мысль, или частные театры, владельцы которых думали прежде всего о доходах. Станиславский или «благонравные» пьесы, или пустые поделки.

Отрадным исключением был Малый театр, в котором играли знаменитый Щепкин, оставивший театру свои заветы и свои великодушные учеников и продолжателей: Ермолов, Левский, Федотов, Горев, Садовский. Но во времена основания Художественного театра в Малый театр перешел глубокий кризис: ни руководили люди, болевшие всего нового, как огня.

Новый, или, как он себя называл, «Художественно-общественный театр» обрел новую интуитивную пьесу, старой мастер игры, неизвестной чистке стихов — всем дурным условностям тогдашней сцены.

В прежнем театре бывали только случаи. На сцене дева играла на лироте (то есть за нее кто-то играл за кулисами), потом она бросала играть и объявлялась со своим женихом, а лироте даже лежала на полу продолжала играть... Или рыцарь осуждал серебряный кубок в поток бросал его об скал, а кубок даже не произвел звука, так как был картонный. Актерам нельзя было становиться спиной к зрителям. Если сидели за обеденным столом, то только с трех сторон, чтобы все слышно было в лицо. Великие крестьянки выходили на сцену в бриллиантовых серьгах, а никто на это не обращал внимания.

Даже такие мелочи Художественный театр решил изгнать со сцены и внести настоящую, живую правду. Его артисты хотели говорить, двигаться, играть просто и не фальшиво, без всяких актерских ухищрений.

Молодой театр решил, что у него будет «все как в жизни». Во главе его стояли К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Оба они были еще моло-

Т. Щепкина-Нуперник

дыми людьми. Станиславский с четырех лет брел театром, а к тому времени был уже опытным артистом-любителем. Он полюбил слова великого русского артиста Щепкина, что «есть маленькие роли» — есть маленькие актеры». И в беседе, которая длилась 18 часов, Станиславский и Немирович решили, что каждый актер у них сегодня может играть Гамлета, а завтра появиться в самой маленькой роли, но к ней относиться, как к главной.

Станиславский и Немирович собрали артистов, мыслящих с ними одинаково. Все это была зеленая молодежь. Денег у них было немного, но все согласилось из-

века, главные действующие лица которой — слабый, болезненный царь Федор и человек большой силы воли — Борис Годунов. Царь — вступил в руки убитого Годунова. Врутом них бушуют рыцарь, а также любящие роману люди гибнут, а беспомощный царь только мечтает об уходе в монастырь.

Роль царя Федора поручили юному Н. М. Москвитину. Репетировать костюмы и декорации сделать исторически правдиво. Музыку, старинные монастыри — все было осмотрено в Москве. Наконец, решили посвятить не таким героям Россию, где сохранилось много памятников старинным.

В Нижнем-Новгороде, теперешнем Горьком, Станиславский, бродя по ярмарке, наткнулся на пучок какого-то мусора, из которой высматривалась доска распятой золотой тикан. Он заинтересовался. Это оказалось ненужное монастырское имущество, которое привез прозвонять монах. Разгадывая, что там находилось, невозможно было. Станиславский научу купил все «чужим» и потом весь день разгребал кучу. Весь грязный, в пыли, в поту, в вечеру он окончил свою работу. Чего-чего там не было: старинная перья, вышивки, цепочки. Из той материи, которую он заметил первой, был впоследствии сшит костюм царя Федора.

И вот, наконец, настал долгожданный вечер... Это было 14 октября (27-го по новому стилю) 1898 года.

Звонко... Другой... Еще несколько минут — и впервые распадается занавес в Художественном театре. Как волновались артисты, трудно передать! Все понимали, что после этого вечера двери искусства широко распахнутся перед ними над залом, а также навсегда, как говорил Станиславский, Москва был бледен, как мед, под своим гримом. Артист Виталийский, игравший Годунова, утратил контакт с собой пот... Заиграли увертюру в ту минуту, когда Станиславский хотел обратиться с несколькими ободряющими словами к актерам. И он вдруг, думая этим вполне ободрить их, начал тапковать каблуком-то дикий тапек. Потом он ушел к себе в уборную и там от волнения заплакал.

Тем временем занавес развалился, и открылась сцена пьесы в палатах Шуйского.

Публика увидела обстановку, словно перенесенную из старинных боярских палат, утварь, словно взятую из музея. Декорации и костюмы прямо ошеломили зрителей, но еще больше их поразила игра молодых артистов.

Начиная с Москвитина — царя Федора, и кончая актером «без слов» — все это были живые люди. Боле, крестьяне, горожане, стрельцы, нищие, гусары в исполнении актеров были живыми, верными историческими типами.

Этот вечер навсегда вошел в историю русского театра. Он открыл дорогу той сценической правде, в которой теперь строится всякий театр в СССР.

(Окончание в следующем номере)

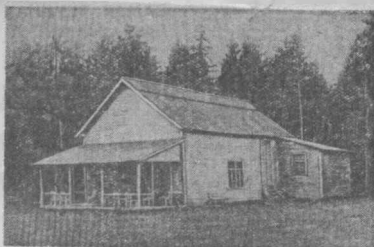

Афиша первого спектакля.

гающее скромное жалованье — лишь бы можно было прожить. Почти у всех были горячая любовь к делу, большая работоспособность и строгое отношение к себе — качества, которыми особенно отличался Станиславский.

Зауномом молодого театра было: «Долой отжившее, война всему устаревшему». С этими широкими планами Станиславский и Немирович-Данченко решили открыть театр. Сначала помещение, но летом оно было еще сыро, поэтому для репетиции нашли какой-то сарай в Пущкине, под Москвой, приспособили его, наняли две-три дачи для актерской компании и принялись за дело. Сначала обходились своими силами: убирали помещение, меня, ставили саванор — изрядный был по очереди дежурный. Станиславский вспоминает, как по своей рассеянности он сразу отличился и день первого дежурства: наложил углей в пустой саванор и товарищ оставил без чая, а саванор у него распался.

Первой постановкой театра была трагедия А. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Это хроника из русской истории конца XVI

Дом в Пущкине, под Москвой, где летом 1898 г. репетировался первый спектакль Художественного театра.

Наш адрес: Москва, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24 (6-й этаж)
Телефоны: для справок — Д-3-33-29, секретариат — Д-3-33-25, отдела писем — Д-3-33-78, отдела и

Уполномоченный Газдита № В—43538.

Типография газеты «Правда» имени С